

Антропологические и этно-экологические исследования
на рубеже тысячелетий

Феномен идентичности в современном гуманитарном знании.

К 70-летию академика Валерия Александровича Тишкова.

М.: Наука, 2011. С. 294-314

Уважаемый юбиляр, академик Валерий Александрович Тишков сыграл в «лихие 1990-е» и играет в наши, совсем непростые, дни важную роль в развитии фундаментальности современных гуманитарных исследований; именно благодаря ему, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН все еще сохраняет свою специфику академического учреждения, занимающегося изучением динамики этно-культурного разнообразия человечества, и не совсем утонул в море «этнологических центров», «антропологических институтов», «этносфер» и прочих организаций; по его инициативе созданная Ассоциация этнографов и антропологов России, не просто сохраняет не очень-то популярный ныне термин «этнография», но и раз в два года проводит свои Конгрессы, привлекающие все большее число участников не только из России. Пройти мимо, не заметив юбилея В.А. Тишкова, было бы неправильным. Но небольшое научное эссе в качестве выражения своего уважения к юбиляру - очень непростое это дело. Обычный путь – написать некоторый текст, который ему было бы интересно прочитать, который бы затронул сферу его интересов. Но, увы, интересы, направления мысли биолога редко пересекаются с гуманитарными. А если и пересекаются, то далеко не всегда бывают взаимопонимаемы. Другой из возможных путей – найти среди своих работ такую, аспекты которой ранее обратили внимание юбиляра, развить, уточнить их, и таким образом быть «опубликованной». К сожалению, исследования биологического разнообразия современных представителей вида *Homo sapiens* приводили и приводят меня не к тем выводам, которые получают положительный отклик у лидера отечественных этнологических или социально-антропологических исследований. Однако, учитывая вышесказанное, мне захотелось все же найти тот ракурс своей работы, который бы и не заставлял говорить иносказательно, и был бы интересен юбиляру. Мне подумалось, что юбилей – это не только подведение промежуточных итогов своей работы, не только ретроспективный взгляд на то, что было сделано. Это – и яркие воспоминания о том, с чего все начиналось.

Получилось так, что одна из самых больших экспедиций, в которых мне посчастливилось принять участие, которой руководили будущие академики Валерий Павлович и Татьяна Ивановна Алексеевы и в которую меня взяли сразу после окончания Биофака МГУ, была на Чукотку. Эта земля, удаленная от Москвы на несколько тысяч километров, произвела на меня столь сильное впечатление, что все последующие мои и научные, и отпускные поездки даже в очень «экзотические» страны так и не затмили его. Не раз мне доводилось быть свидетелем, когда и Валерий Александрович тепло говорил о своей работе на Чукотке сразу после окончания университета. Так появился небольшой текст под лирическим названием «Зеленые закаты и Аляска на горизонте». Но оказалось, что он сильно вырывается из контекста и названия сборника, и всех других работ, в него включенных. Но именно Валерий Александрович был в конце 1980-х годов инициатором переименования Института этнографии АН СССР в Институт этнологии и

антропологии, в котором был заложен немалый смысл и которое не шло гладко и безболезненно, именно акад. Тишков не раз пытался провести разграничение между рядом гуманитарных и биологических направлений, подумалось, что некоторые размышления автора о современном состоянии и направлениях развития пары отечественных наук о человеке могут быть небезынтересными. Речь пойдет о таких, связанных между собой лишь частично, отраслях знания как антропология и этническая экология, к которым автор имеет определенное отношение.

Несколько слов о терминах

Как известно, антропология начинает оформляться в конце XVIII — XIX вв. В России этот процесс связывается с именем выдающегося естествоиспытателя К.М. Бэра¹. На разных этапах границы ее расширялись, включая многие биологические и социальные науки о человеке, и сужались до изучения лишь морфологии. История изменений смыслового значения и употребления термина «антропология» от Аристотеля до наших дней неоднократно была предметом специальных исследований², затрагивается она под соответствующими углами зрения и в учебниках по этой дисциплине³. В последнее время в нашей стране, вслед за американским и французским научными сообществами, особенно среди представителей гуманитарных дисциплин вновь все более распространенным становится применение этого термина для обозначения множества научных направлений – физической (или биологической) антропологии (собственно антропологии в традиционном русском смысле этого слова), археологии, этнографии, лингвистики и др.

В Интернет-издании «Википедия. Свободная энциклопедия» отмечается, что вопрос о связи культурной антропологии (иногда называемой также социальной или социально-

¹ Бэр К.М. О происхождении и распространении человеческих племен. СПб., 1822.

² См., например: Тэйлор Э.Б. Антропология: Введение к изучению человека и цивилизации. СПб.: Издание И.И. Билибина и Ко., 1882; Вишневский Б.Н. Естественная история человека (Очерк исторического развития антропологии) // Вселенная и человечество. Кн. 6. Л., 1928; Зубов А.А. Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР // СЭ. 1982. № 5; Левин М.Г. А.П. Богданов и русская антропология // СЭ, 1946. № 1; Рогинский Я.Я. Методологические основы антропологии // Научные доклады высшей школы. Биологические науки. 1966. № 3; Алексеев В.П. Горизонты антропологии // Будущее науки. Вып. 5. М., 1972; Он же. Историческая антропология. М., 1979. С. 39-42; Он же. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. С. 24-35; Зубов А.А. Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР // СЭ. 1982. № 5. С. 21-33; Дубова Н.А. О некоторых аспектах содержания антропологической науки // СЭ. 1983. № 6; Эванс-Притчард Э.Э. История антропологической мысли / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2003; и мн. др.

³ См., например: Бунак В.В. Антропология, ее разделы и содержание // Бунак В.В., Нестурх М.Ф., Рогинский Я.Я. Антропология. М., 1941. С. 5-12; Левин М.Г., Рогинский Я.Я. Основы антропологии. М., 1955; Рогинский Я.Я. Левин М.Г. Антропология. М., 1963, 1979; Акинщикова Г.И. Антропология. Учебное пособие. Л., 1973. С. 3; Дерягина М.А. Антропология. Эволюция и биология человека. Курс лекций. М., 1994. С. 4; Хрисанфова Е.Н., Первозчиков И.В. Антропология. Учебник. М., 1991, 1999. С. 6-7; Харитонов В.М., Ожигова А.П., Година Е.З. и др. Антропология. Учебник для вузов. М., 2004. С. 4-5; Хомутов А.Е. Антропология. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2002. С. 3-4; Тегако, Марфина. Практическая антропология. Ростов на Дону, 2003, с. 3-5; Тегако Л.И., Кметинский Е. Антропология. Учебное пособие. М., 2004. С. 4-5 и др.

культурной антропологией) с этнологией остается не решенным, а также приводятся четыре варианта ответа на него⁴. Можно было бы считать верным и более широкое заявление: опираясь на тематику исследований, в наши дни очень сложно разграничить предметные области разных «антропологий»: социально-культурной, культурной, культуральной⁵, социальной, философской, экономической, политической⁶... – а также культурологии, этнографии, этнологии, политологии и др. Не стоит, видимо, даже и пытаться без перевода с английского языка понять такие направления как, например «антропология власти»⁷ (antropos+logos+власть = человекознание, человековедение власти?) или «антропология религии». Не могу не упомянуть и распространившуюся многозначность трактовки и употребления термина «исторической антропологии»: одни под ней подразумевают раздел физической (биологической) антропологии, исследующей преимущественно историю возникновения современного человека и сложение его биологического вариантов (антропологических типов, комплексов антропологических признаков), когда исследуется историческая динамика изменчивости биологии человека⁸; а другие – культурно-центрическую парадигму современной исторической науки, когда подходы и методы культурной антропологии применяются для целей и задач изучения истории⁹. То же можно сказать, например, по поводу медицинской антропологии¹⁰ и др. Можно сказать, что большинство, же-

⁴ Среди этих четырех вариантов присутствует явно ошибочный. Так, автор говорит о том, что ряд исследователей считает, будто бы «этнология по своему предметному полю значительно шире культурной антропологии, которая, по их мнению, не выходит за рамки науки о биологической и физической природе человека (Садохин А.П. Связь этнологии с другими науками // *Этнология*. М., 2000)». Хотя в приведенной цитате не вполне ясно, какая из двух наук – этнология или культурная антропология – не выходит за рамки науки о биологической и физической (не понятно также это «и») природе человека, но можно уверенно сказать, что обе они к биологическим дисциплинам не имеют ни малейшего отношения.

⁵ Культуральная антропология: Учебное пособие / Под ред. Ю.Н. Емельянова и Н.Г. Скворцова. СПб., 1996.

⁶ Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. Ростов н/Д., 1995; Вольтман Л. Политическая антропология. СПб., 1995

⁷ Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т.1,2. СПб., 2006, 2007.

⁸ Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979; Он же. Историческая антропология и этногенез. М., 1989; Богатенков Д.В., Дробышевский С.В. Введение в антропологию: Учебное пособие / Под ред. Т.И. Алексеевой. М., 2004; Они же. Введение в антропологию. Курс лекций (Электронный учебник) <http://imp.rudn.ru/psychology/anthropology/metod.html>

⁹ См.: Историческая антропология в «Википедия. Всемирная энциклопедия»; см. также: Бюргер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // *Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного*. Кн. I, II. М., 2003.; Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998; Кром М.М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. 1-е изд. СПб., 2000; 2-е изд. СПб., 2004; *Historische Anthropologie. Kultur, Gesellschaft, Alltag*. Gottingen, 1984-1998.

¹⁰ Так, на одной из страниц сайта Института этнологии и антропологии РАН В.И. Харитоновой дается такое определение: «Медицинская антропология/этнология ... исследует в первую очередь комплекс медицинских знаний и систем различного характера и уровня, существовавших и существующих в разных обществах, формы и традиции врачевания, способы оказания помощи больным, восприятие и переживание состояний здоровья и болезни в различных человеческих сообществах, варианты сохранения здоровья человеком, сообразно каким-либо культурным традициям. Эта дисциплина, исходно связанная с этнографией, социологией, гендер-

лающих высказаться, оперирует определенным объемом, близких ему публикаций, отмечая все остальные, «мешающие» стройности изложения собственной позиции, делая вид, что они не существуют или даже не достойны упоминания.

Стоит ли употреблять один и тот же термин для обозначения разных научных направлений и их совокупностей? Каждая сторона, видимо, будет приводить свои доводы «за» и «против». Увы, но прекрасное предложение Б.Г. Ананьева, обосновавшего, в частности, необходимость интеграции научных дисциплин и междисциплинарных связей для изучения целостной, комплексной концепции человека, о введении для описания этого интегрированного знания вместо термина «антропология» более широкого – «человекознание»¹¹, не получило поддержки. Но в любом случае, те, кто ставит (или почти ставит) знак равенства между антропологией и человекознанием, в случае необходимости упомянуть исследования, затрагивающие географическую или историческую изменчивость биологических характеристик человека, будут говорить о «физической антропологии», т.е. видят специфику каждой науки.

Как было показано уже неоднократно, сам термин переживал и периоды расширительного и «суженного» понимания. Сейчас, по-видимому, наступает опять первый. Характерно также, что, пытаясь противодействовать смысловой замене термина, сами «биологические» или «физические» антропологи все чаще резко сужают предметные границы своей специальности, подчеркивают сугубо биологические ее интересы. Не всегда текстуально, но нередко фактически игнорируются исследования антропологических общностей, сформированных на основе социальных связей. Исследователи по какой-то причине на деле стараются дистанцироваться от работ, затрагивающих пограничные с гуманитарными науками проблемы, хотя в даваемых определениях подчеркивают специфику науки по сравнению с другими биологическими дисциплинами.

ными исследованиями, включает как составную часть этномедицину, тесно соприкасается с антропологией сознания, психологической антропологией» (<http://jmaib.iea.ras.ru/russianversion/index.html>). На медицинских сайтах приводятся такого рода определения: «В. Вайцеккер (V. Weizsacker) в психосоматическом учении о болезнях, в котором телесное и душевное не только понимаются как взаимодействие двух субстанций, как психофизика, психосоматика или соматопсихика, но и предполагают новые перспективы их изучения. Вайцеккер определил эти новые перспективы как «медицинскую антропологию», в рамках которой болезнь человека должна оцениваться врачом и приобретать определённый смысл» (<http://www.medidea.ru/articles/741/140/>). Те, кто считает, что медицинская антропология является естественнонаучной дисциплиной пишут: «Медицинская антропология изучает изменчивость организма и личности в норме и патологии, фактор благополучия и риска, предболезнь, изменчивость этиологии и патогенеза заболеваний в связи с конституциональными, генетическими, экологическими и социальными факторами» (<http://zaichenko1958.narod.ru/anthrop1a.htm>). Одни полагают, что «выделение медицинской антропологии получило официальное признание в 1968 г. на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио» (Там же), а другие, что подобный подход – «свой собственный, отечественный вариант медицинской антропологии», что «на Западе, главным образом, в США и Великобритании, медицинская антропология как раздел наук о человеке успешно развивалась уже с 1970-х годов», что она «медицинская антропология в англо-американском варианте стала комплексом знаний о медицинских системах, существовавших и существующих в разных обществах, о формах и традициях врачевания и способах оказания помощи больным, о культурном контексте медицинских практик, о разнообразных социокультурных аспектах производства медицинских знаний и т.д.» (Михель Д.В. Медицинская антропология: что это такое? // <http://>).

¹¹ Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.

Дело доходит до курьезов. Например, в учебнике для вузов «Антропология»¹², рекомендуемая литература по разделу «Этническая антропология (расоведение)», подготовленному В.А. Бацевичем и В.М. Харитоновым, включает всего 6 названий, среди которых нашлось место такой библиографической редкости как учебник «Антропология» В.В. Бунака, М.Ф. Нестурха, Я.Я. Рогинского 1941 г. издания (что вполне естественно, учитывая бесспорную содержательную ценность этой книги), но не упомянута ни одна работа академика В.П. Алексеева, в том числе такие его фундаментальные книги, как, например, «Географические очаги образования человеческих рас» (1974) и «Историческая антропология» (1979).¹³ Кроме как именно «курьезом» этот факт обозначить невозможно, так как предисловие к этому учебнику написано академиком Т.И. Алексеевой, а сам он подготовлен ведущими отечественными антропологами В.М. Харитоновым, Е.З. Годиной, Е.Н. Хрисанфовой, В.А. Бацевичем, а также А.П. Ожиговой.

Конечно же, любая наука не есть что-то замершее и костное: необходимо и расширение тематики в пограничных областях, и введение новых методов анализа, и разработка антропологических проблем комплексно, с привлечением разнообразных специалистов. Это, как пишет А.А. Зубов, – «...здоровое явление, если его не подменять произвольным соединением под тем же названием набора плохо подогнанных друг к другу дисциплин. Новая антропология – это все, что приходит в науку, обогащая ее и обогащаясь ее традициями, но не нечто внешнее, оставшееся инородным, не пережившее периода “срастания” с антропологией, случайно собранное»¹⁴. Мне представляется, что за конкретным термином «антропология» в советской науке закрепилось определенное понятие со своим предметом, задачами и методами, которое, кстати, характерно и не только для отечественных исследований.

Но проблема предмета антропологии затрагивается здесь исключительно для того, чтобы обозначить границы области, исследования внутри которой предполагается обсудить. Автор, продолжая традиции отечественной науки, попытается говорить о положении исследований, опосредствующих, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории» и подразумевая под антропологией науку «о человеке как биологическом виде: его происхождении и биологической изменчивости во времени и пространстве»¹⁵ во всем многообразии социальных и биологических факторов, на эту изменчивость влияющих, понимая при этом, что многие «проявления его биологической природы во многом опосредованы социальной средой»¹⁶. В отличие от других случаев, только в этом мы имеем четкий предмет науки, ее конкретные задачи и единые своеобразные методы изучения.

Медицина и антропология

В данной работе автор ни в коей мере не претендует на какой-либо охват и анализ всех антропологических работ, ведущихся в России. Задачи намного скромнее – наметить

¹² Антропология. Учебник для вузов / Ред. Т.И. Алексеева. М., 2004

¹³ Последняя из упомянутых, кстати, подготовлена на основании курса лекций, прочитанных в Воронежском университете, а первая – вышла двумя изданиями (М., 1979; Историческая антропология и этногенез, 1989) большими тиражами и имела повсеместный успех.

¹⁴ Зубов А.А. Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР // СЭ. 1982. № 5. С. 32.

¹⁵ Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М., 1999. С. 7.

¹⁶ Там же.

современные направления и тенденции развития исследований в этой области знания прежде всего тех проблем, которые касаются изучения разнообразия человеческих популяций, образующихся в связи с социально-культурными общностями.

Первое на что нельзя не обратить внимание, это тот факт, что накопленные антропологией знания по вариабельности различных систем организма человека пока, к сожалению, если и востребованы, то фрагментарно, даже такими, приближенными к человекознанию направлениями, как, например, теория функциональных систем П.К. Анохина. Еще более удивительно, что многие достижения антропологии могли бы оказать существенную помощь медицине – науке, от которой она «отпочковалась» более двух столетий назад, но также практически не используются. Подчеркну здесь главное: именно биология человека и антропология, в частности, дают в руки теории медицины так необходимую ей концепцию человека как целостной системы¹⁹. Именно благодаря достижениям антропологии, возможно успешнее ориентировать лечение в зависимости от степени реактивности организма на разные внешние воздействия. Тот факт, что степень реактивности организма является индивидуальным показателем, доказан уже давно. Уже более полу столетия назад отмечались групповые (возможно и расовые) различия в чувствительности к различным лекарственным препаратам²⁰. Есть основания полагать, что у представителей разных групп человечества пределы вариации физиологических, гуморальных показателей также различаются. Такие данные накапливаются современной медициной²¹, но опять же аналитическому синтезу пока не подвергались. Но то, что медицинские фундаментальные исследования в большинстве случаев опираются на абстрактные «группы» населения (например, население такого-то города, представители такой-то национальности, когда место рождения людей игнорируется и т.п.), а не на биологические совокупности, именуемые популяциями, ведет к затушевыванию закономерностей изменчивости и непониманию ее причин.

Появляются, правда, и обнадеживающие суждения: «Определяющим направлением в гуманитаризации и профессионализации современного медицинского образования является, на наш взгляд, антропологизация медицинского знания, теоретической и практической медицины, подготовки медицинских кадров»²². Но, увы, под «антропологизацией» имеется в виду ее философская составляющая: «Системный подход к человеку и феномену его здоровья дает

¹⁹ Несколько больше внимания уделено этому аспекту в работах: Дубова Н.А. О биологическом аспекте групповой адаптации // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 30-40; Она же. Этномедицинское обследование населения // Там же. С. 254-294; Дубова Н.А., Созинова Н.Д. Антропологический подход к характеристике заболеваемости // Вестник антропологии. Вып. 4. М., 1998. С. 17-29.

²⁰ См., например, Vallois H.V. Race // Anthropology Today. Chicago, 1952. P. 161. Уже давно показаны различия в иммунологической реактивности представителей разных рас: Эфроимсон В.П. Иммуногенетика. М., 1971.

²¹ Например, трансплантологи сталкиваются с тем, что почки представителей одной расы имеют большую вероятность отторжения представителями другой; делаются попытки разработки (даже в США!) лекарственных средств, более эффективных для применения, например, только афроамериканцами (см., например, <http://www.americaru.com/news/7151>); техника микрооперации на глазах у населения Ближнего Востока, например, отлична от таковой для средней полосы России, т.к. практически выявлены групповые отличия в расположении мышц века и глаза; и т.д.

²² Курсаков В.И. Антропологизация медицинского знания // Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. Вып. 3 / Под ред. В.В. Парцвания. СПб. 2005. С. 307 - http://anthropology.ru/ru/texts/kursakov/postsoviet_35.html

интегральная медицина, методологической основой которой явилась философская антропология — целостная концепция человека, построенная на новом интегративном подходе (Б.В. Марков), рефлексии мировоззрения и антропологической онтологии, развивающей взгляды о единстве природы и человека, общества и личности, творческой сущности бытия человека (В.Н. Сагатовский)»²³.

Но почему медицина почти «не замечает» сделанного антропологией, несмотря даже на подготовку специальных изданий²⁴? Наверное, есть и причины внутри самой медицины, которая все же остается нацеленной, прежде всего, на изучение патологии и поиск путей ее искоренения.

Научные антропологические центры

Постараюсь обратить свое внимание и на тех, кто в России профессионально занимается изучением антропологии. Самый крупный и один из самых «старших» центров – Научно-исследовательский Институт и Музей антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина²⁶. С ним тесно связан научный коллектив кафедры антропологии Биологического факультета МГУ – ныне единственное в стране учебное заведение, где готовятся специалисты в этой области. Основные направления научной работы НИИ и Музея антропологии обозначены так: Биологическая и социальная эволюция человека; Временная и этнотерриториальная изменчивость современного человека; Музей в системе наук о человеке и университетском образовании. Но, исследования его все же больше нацелены на проблемы биологии человека, даже еще уже – только морфологии, морфо-физиологии человека.

После значительного промежутка времени, когда отсутствовал профильный рецензируемый антропологический журнал, усилиями нового директора Института член-кор. РАН А.П. Бужиловой, свершившей не одно важное преобразование, с 2008 г. начал выходить «Вестник МГУ. Сер. XXIII. Антропология», включенный в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий по специальности «антропология».

В составе отдела теории и методики Института археологии РАН академиком В.П. Алексеевым в 1990 г. с целью развития экологического направления в археологических и палеоантропологических исследованиях была создана группа физической антропологии²⁷. До 2007 г. группу возглавляла академик Т.И. Алексеева. Исследования ведутся по двум основным направлениям: историческая экология человека и методика биологических исследований. Проводятся исследования биологии палеопопуляций, воссоздаются особенности демографической ситуации, социальной стратификации внутри общества, состояния здоровья людей, показателей их физического развития, видов физических нагрузок, характера питания и др. Усилиями группы начал издаваться журнал «Opus. Междисциплинарные исследования в археологии».

Один из старейших в Европе научно-исследовательских центров по изучению антропологии древнего и современного человечества, получивший свое название в 1878 г. - Отдел антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН²⁸. Область основных научных интересов сотрудников отдела – антропогенез, этническая антропология и происхождение народов России и мира, методика антропологических исследований, примато-

²³ Там же. С. 308.

²⁴ См., например: Антропология – медицине / Ред. Т.И. Алексеева. М., 1989.

²⁶ <http://www.antropos.msu.ru/>

²⁷ <http://www.archaeolog.ru/index.php?id=52>

²⁸ http://www.kunstkamera.ru/museums_structure/nauchnye_otdely/otdel_antropologii/

логия. Среди главных направлений, разрабатываемых в отделе – этническая краниометрия и краниоскопия, интеграция данных различных систем антропологических признаков, а также исследование биологических и культурных факторов человеческого поведения. Самое видное место у сотрудников Отдела занимают антропологические проблемы, связанные с северо-западом Европейской части России.

Пожалуй, самый крупный региональный антропологический центр организовался ныне в Тюмени в Институте проблем освоения Севера, благодаря усилиям В.А. Дремова, А.Р. Кима и А.Н. Багашова (лаборатория антропологии, куда перешел на работу Д.И. Ражев, ранее трудившийся в Екатеринбурге), но его круг интересов ограничивается палеоантропологией и палеопатологией. К нему «тяготеет» и кабинет антропологии (зав. М.П. Рыкун), восстановленный на Историческом факультете Томского государственного университета в 2005 г. Также на палеоантропологии (хотя там предпринимались и попытки изучения дерматоглифики и одонтологии современного населения Башкортостана) сконцентрировала свое внимание антропологическая лаборатория Института истории УНЦ РАН в г. Уфе (после неожиданного и раннего ухода из жизни в 2011 г. Р.М. Юсупов, создавшего и много лет возглавлявшего это подразделение, здесь работает А.И. Нечвалода). В Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) работает сектор антропологии (рук. Т.А. Чикишева). Приоритетным направлением работы сектора является изучение общих закономерностей и региональных тенденций процесса расообразования в Западно-Сибирском ареале Северной Евразии²⁹.

Сохраняются и развиваются «очаги» антропологии в Самарском (Волго-Уральская палеоантропологическая лаборатория – А.А. Хохлов), Алтайском (кабинет антропологии Музея археологии Алтая, С.С. Тур³⁰) университетах, Башкирском Музее естественной истории (г. Уфа; В.В. Куфтерин), в ЮНЦ РАН в г. Ростове-на-Дону (Кабинет физической антропологии ЮНЦ РАН - ЮФУ – Е.Ф. Батиева, В.Ф. Кашибадзе) и антропологическое подразделение при Волгоградском Государственном университете (НИИ археологии нижнего Поволжья – М.А. Балабанова, уже имеющая ряд учеников).

В Институте общей генетики РАН (Москва) действуют организованная в 1979 г., благодаря усилиям Ю.Г. Рычкова, лаборатория генетики человека, а ныне – несколько подразделений, изучающих популяционную генетику человека (О.Л. Курбатова, О.В. Жукова, Н.К. Янковский и др.). В Медико-генетическом Научном центре РАМН исследования по выявлению географической изменчивости генофондов и системы "генетического родства" различных групп народонаселения проводит лаборатория популяционной генетики человека (зав. лаб. Е.В. Балановская)³¹. В новосибирском Институте цитологии и генетики СО РАН создана и ведет активные исследования лаборатория молекулярной и эволюционной генетики человека (зав. лаб. Л. П. Осипова). Эти работы, по мысли В.В. Бунака, должны привести к слиянию антропологического и генетического направлений изучения человека. В НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков РАМН, в Российской Государственной Академии Физической Культуры (РГАФК), в некоторых других научных учреждениях г. Москвы существуют антропологические «островки» разного размера. Появляются молодые люди, интересующиеся антропологией в Воронеже, Симферополе, других городах России. Вновь после небольшого перерыва успешно ведутся антропологические изыскания в Казани (И. Газимзянов). Есть интерес к ауксологии – в Иваново, к изучению этнической антропологии – в Ижевске...

²⁹ <http://archaeology.nsc.ru/Lists/List36/>

³⁰ <http://hist.asu.ru/faculty/museum.shtml>

³¹ <http://med-gen.ru/science/staff/popgen/>

Поскольку только в 2007-2008 гг. крайне медленно начинает возрождаться после почти двадцатилетнего перерыва диспансеризация школьников, давно перестали существовать и подавляющее большинство санитарно-гигиенических кабинетов разного подчинения, о которых говорил В.В. Бунак в своей известной работе на симпозиуме «Антропология 70-х годов», перечисляя научно-исследовательские и учебные кабинеты, лаборатории, кафедры страны³². Хотя, конечно, исследования проблемы роста и развития детей и подростков продолжают занимать видное место среди антропологических работ как в НИИ антропологии МГУ, так и в РАМН. Хуже обстоит дело с прикладными исследованиями. В 1970-1980-х годах при многих заводах, фабриках, в соответствующих ведомственных НИИ и подразделениях Министерства обороны, Министерства гражданской авиации, Министерствах текстильной и легкой промышленности и др. активно проводились работы по эргономичности и стандартизации производимой продукции легкой промышленности (обуви, одежды, мебели, рабочих мест и пр.). Развал отечественного производства, вал продукции из зарубежных стран (в большинстве своем низкокачественной не в малой степени из-за падения покупательной способности населения) за прошедшие 30 лет привели к тому, что большинство таких лабораторий перестали существовать. Соответственно перестали проводиться и массовые договорные работы по подобным темам, в том числе и в НИИ и Музее антропологии МГУ. Учитывая отсутствие заинтересованных структур, сильно сокращены и исследования в этом направлении³³.

В странах СНГ антропологические исследования также продолжают проводиться. Расширился и переместился из Института искусствоведения, этнографии и фольклора в Институт истории Национальной академии наук Республики Беларусь отдел антропологии в г. Минске (Л.И. Тегачко, И.И. Саливон, Т.И. Полина, О.В. Марфина, А.И. Микулич и многие их коллеги, ученики). В весьма сократившемся составе, но разделившийся на две части, функционирует академический антропологический центр в г. Киев на Украине (С.И. Круц, С.П. Сегеда, И. Потехина и др.). В Армении, в г. Ереване работает несколько антропологических групп, разместившиеся как в Академии наук, так и в государственном университете. Организованный в Институте истории академии наук Грузии в г. Тбилиси и великолепно оборудованный в 1970-е годы усилиями М.Г. Абдушелишвили отдел антропологии также продолжает свою деятельность, к сожалению, правда, в сильно усеченном виде (рук. Л. Битадзе). Во всем среднеазиатском регионе остался один антрополог – О. Бабаков, являющийся сотрудником Института истории (г. Ашхабад) восстановленной в 2010 г. Академии наук Туркменистана, сохранивший и систематизировавший богатейшую краниологическую коллекцию с территории этой страны. Возможности его работы, увы, жестко ограничены границами республики.

В г. Алма-Ате Республики Казахстан в таком же «ограниченном» режиме имеет возможность заниматься антропологией несколько более многочисленная группа сотрудников (О. и А. Исмагуловы, К. Сихимбаева). В Литовской республике все большее развитие получают исследования по экологии человека (Р. Янкаускас и его коллеги), сокращены историко-

³² Бунак В.В. О перспективах развития антропологии как особой науки // Антропология 70-х годов. М., 1972.

³³ В этой связи нельзя не упомянуть колоссальные материалы, собиравшиеся регулярно во всех регионах СССР, дающие возможность, в том числе и проанализировать динамику изменения физического типа человека на данной территории на протяжении многих десятилетий: см. работы Ю.С. Куршаковой и Т.Н. Дунаевской, В.Е. Дерябина, А.Л. Пурунджана и мн. др.

антропологические направления. Центр антропологических исследований Эстонии переместился из г. Таллинна в Университет г. Тарту. Большинство исследований посвящено проблемам ауксологии и изучению физического развития человека (Х. Каарма с большой группой коллег), издается ежегодное серийное издание *Papers on anthropology* (опубликовано более 20 выпусков).

Этот беглый обзор пунктирно очертил географию антропологических точек на пространстве бывшего СССР. Конечно, в его задачи не входила подробная характеристика проблематики, над которой работают антропологи стран СНГ и Балтии. И в других, не упомянутых ведомствах, в регионах также есть отдельные исследователи, которые вносят весомый вклад в антропологию как науку об изменчивости человека во времени и пространстве.

Антропология в ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Сознательно не упомянутые выше антропологические подразделения Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН занимают среди этих антропологических центров особое место. Именно здесь М.М. Герасимовым была создана и ныне плодотворно трудится уникальная Лаборатория пластической реконструкции (рук. Т.С. Балужева), чьи работы успешно сочетают восстановление облика исторических личностей, людей древнейших эпох с более повседневной – криминалистической – практикой. В 2002 г. в ИЭА, благодаря инициативе М.Л. Бутовской, организована группа – Центр эволюционной антропологии, со своими особыми задачами, которая в 2008 г. была объединена с сектором этнической психологии и преобразовалась в сектор кросскультурной психологии и этологии человека. Основными задачами этой группы являются исследования эволюции социальных отношений с использованием, в том числе, и данных физической антропологии.

И, наконец, отдел антропологии ИЭА РАН (рук. С.В. Васильев), созданный более 70 лет назад и некогда объединявший всех антропологов Института. Сейчас в его составе находится и Кабинет-музей им. Акад. В.П. Алексеева. Отдел имеет свою богатую историю. Его лицо представляли крупнейшие отечественные ученые, снискавшие и широкую мировую известность – В.В. Бунак, М.Г. Левин, Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев, М.М. Герасимов, Т.А. Трофимова, А.А. Зубов, И.М. Золотарева, Г.Л. Хить. Как-то принято считать, что главной задачей этого подразделения являются исследования по этнической антропологии.

Некоторые (и их немало!) полагают, что этническая антропология – это использование антропологических данных в этногенетических реконструкциях. Мне думается, что это – суженное понимание задач данного направления. Цель этнической антропологии – изучение всего многообразия взаимосвязей биологических совокупностей – человеческих популяций – и социально-культурных, культурно-языковых, историко-культурных общностей – народов, этносов, национальностей... Кроме всего прочего, и изучение самой проблемы, как и почему в одних случаях границы популяции совпадают с этническими, а в других – с языковыми, а в третьих – с этно-культурными, а в четвертых – с государственными.

Но и в таком расширенном понимании целей и задач этнической антропологии, ею не ограничивались никогда и не могут быть ограничены теперь направления развития антропологии в ИЭА РАН. Главная их специфика мне видится в комплексности разработки проблем, будь то истории или биологии, т.е. именно пограничных, антропологических.

Благодаря комплексности подхода к изучаемым проблемам, отдел долгое время был единственным подразделением такого рода в нашей стране.

Антропологические исследования всегда составляли заметную часть в деятельности Института.³⁴ В некогда триединстве археология-антропология-этнография именно антропология занимала особое место, дополняя знания двух гуманитарных дисциплин естественнонаучными достижениями. Если десятилетия назад динамика особенностей внешнего облика населения использовалась смежными науками практически лишь для прояснения спорных вопросов сложения народов, то ныне, благодаря успехам экологии, геохимии, почвоведения, палеопатологии и др., антропология помогает обрисовать образ жизни, систему питания, состояние здоровья, окружающую среду древних популяций, т.е. полнее представить всю их систему жизнеобеспечения. Представляется, что именно комплексный, многосторонний подход к изучению исторического процесса может объективнее охарактеризовать его. Такой подход прекрасно зарекомендовал себя в разных ситуациях: и при исследовании этногенеза народов Средней Азии, когда энергией С.П. Толстова уже в 1940-е годы были организованы археолого-антрополого-этнографические экспедиции в разные ее регионы (см. программную статью С.П. Толстова 1947 г.³⁵, а также серии: Труды ХАЭЭ; Материалы ХАЭЭ и мн. др.); и в процессе изучения народов Прибалтики, когда М.В. Витов предпринимал попытки сочетать широкомасштабные антропологические изыскания с применением количественного анализа в этнографической работе (см., например, работу М.В. Витова, изданную, к сожалению, лишь в 1997 г.³⁶, а также Труды Прибалтийской экспедиции, 1959³⁷); и в многоплановых выездах Чукотской, Камчатской, Тувинской и др. экспедиций, организованных, благодаря В.П. и Т.И. Алексеевым, содружеством Института этнографии АН СССР и НИИ и Музея антропологии МГУ, успешно сочетавших археологические и этнографические работы не только с антропометрическими, одонтологическими, дерматоглифическими, физиологическими обследованиями, но и с генетико-демографическими и антропогенетическими, серологическими исследованиями³⁸; и по-своему уникальное, но, увы, не доведенное до этапа синтеза данных исследование группы под руководством Ю.Б. Симченко и Г.М. Афанасьевой по медико-генетическому, генеалогическому и этнографическому изучению обособленных популяций Крайнего Севера в содружестве с СО РАН³⁹.

³⁴ Далее в работе основное внимание уделяется исследованиям по этнической антропологии. Это не означает, однако, что автор считает проблемы антропогенеза, конституциологии, морфологии человека и др. менее важными. Переживания за будущее этой области знания (в том числе уникальной, наработанной не одним поколением отечественных специалистов методики описания внешнего облика современных популяций, «носителями» которой ныне является всего несколько человек) заставили автора сконцентрироваться именно на ней.

³⁵ Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // СЭ. 1947. Вы. VI-VII. Сб. статей. М.-Л., 1947.

³⁶ Витов М.В. Этнография Русского Севера. М., 1997.

³⁷ Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 1, 2. М., 1959.

³⁸ См. сводные тома публикации результатов этих исследований: Антропоэкология Центральной Азии / Ред. Т.И. Алексеева, Р.М. Мунчаев, О.М. Павловский, Б.Б. Прохоров, В.А. Спицин. М., 2005; Антропоэкология Северо-Восточной Азии / Ред. Т.И. Алексеева, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, М.В. Добровольская. М., 2008.

³⁹ См. ряд их публикаций: Афанасьева Г.М. Традиционная система воспроизводства нганасан (Проблемы репродукции обособленных популяций). М., 1990. Ч. 1-3; Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о

Упомянутый коллектив под руководством М.Л. Бутовской проводит также комплексные исследования межкультурного взаимодействия среди хадза Танзании с использованием этнологических, антропологических и психологических методов⁴⁰.

Автор данной работы, будучи антропологом, в меру своих возможностей прилагает усилия в направлении экологии человека в рамках сектора этнической экологии Центра междисциплинарных исследований, поэтому скажу несколько дополнительных слов и об истории этноэкологических исследований, которые, бесспорно, теснейшим образом связаны с собственно антропологическими.

Этноэкологическое направление исследований

Подобно антропологии, находящей, как выше говорилось, осуществляющей взаимосвязь целого спектра естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, этническая экология также является «научной дисциплиной, расположенной на стыке этнографии с экологией человека (социальной экологией) и имеющей зоны перекрытия с этнической географией, этнодемографией и этнической антропологией». Ее основополагающие принципы были изложены В.И. Козловым⁴¹. Особое внимание российскими этнологами в этой концепции уделяется теме адаптации и жизнеобеспечения этноса. Серьезный вклад в разработку теоретических положений в этом направлении сделано А.Н. Ямсковым⁴² являвшимся в 1998-2005 гг. руководителем сектора этнической экологии, созданного еще в 1992 г. В.И. Козловым.

Заметный толчок для оформления этнической экологии как науки и формулировки ее задач сыграла, начатая с 1977 г. разработка силами многих учреждений России, Украины, Грузии, Абхазии и США темы «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей» под общим руководством Ю.В. Бромлея, С.И. Брука, В.И. Козлова и А.А.

номенклатурах родства и брачных нормах. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXI: Методика этнологических и антропологических исследований. Кн. 1. М., 1992; Сукерник Р.И., Шур Т.Г., Стариковская Е.Б. Уоллес Д.С. Изменчивость митохондриальных ДНК у коренных жителей Сибири в связи с реконструкцией эволюционной истории американских индейцев // Генетика. 1996. Т. 32. № 3; и др.

⁴⁰ См., например: Бутовская М.Л., Драмбян М.Ю. Хадза Танзании: традиции и современность /Азия и Африка сегодня. 2007. Вып. 7. С. 105-110; Бутовская М.Л., Мабулла А. Процессы социальной трансформации в сообществах охотников-собирателей (по материалам антропологического исследования племени хадза, Северная Танзания) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Сборник статей. Вып.6. М., 2008.

⁴¹ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. N 1. С. 8; Этническая экология: теория и практика / Козлов В.И., Дубова Н.А., Ямсков А.Н. (Ред.). М., 1991.

⁴² Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова \ Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Ямсков А.Н. (Ред.) М., 2004; Он же. Концепция экологической ниши в этноэкологии // Вестник МГПУ. 2005. № 2 (9) - Географический выпуск; Он же. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы. Вып. 34. «Проблемы этнической экологии» \ Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьёва (Ред.). М., 2009; Он же. Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. ??? М., 2009; и др.

Зубова⁴³. Функции головного учреждения для работы в этом направлении взял на себя Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН). Над этим проектом, в том числе осуществляя и сбор полевого материала, работали специалисты многих, в том числе медицинских, учреждений, да и большая часть сотрудников Института этнографии.

Опыт этих работ сектор этноэкологии во второй половине 1980-х – 1990-е годы использовал при изучении постсоветских трансформаций в Пермской области⁴⁴, а также для изучения взаимосвязанной исторической динамики в областях культуры, демографии и биологии человека у переселенцев (комплексная программа «Этническая экология переселенческих групп. Русские старожилы в Закавказье», осуществлявшаяся в ходе экспедиций 1986-1992 гг. к русским крестьянам-старожилам Закавказья, молоканам, духоборам, субботникам)⁴⁵. Последняя из оригинальных разработок – социально-этнографическое и медико-антропологическое изучение сельских населенных пунктов Абхазии восполняет явные лакуны в наших знаниях о направлениях и масштабах трансформации условий жизни населения стран СНГ в постсоветский период⁴⁶.

Перечисленным экологические исследования в ИЭА РАН не ограничиваются. Надо упомянуть и серьезное монографическое исследование, правда, раскрывающая несколько другой аспект экологии: имеется в виду работа Г.А. Комаровой, посвященная анализу динамики систем жизнеобеспечения разных этносов, попавших в зону повышенной радиации⁴⁷.

Еще один пример: проект «Историческая антропологии и экология населения Туркменистана с эпохи бронзы до современности». Это исследование отличается от предыдущих прежде всего тем, что в нем данные антропологии древнего и современного населения анализируются вместе с археологическими сведениями. В основе работы – новейшие уникальные материалы эпохи бронзы с памятника Гонур Деппе (Южная Туркмения, раскопки В.И. Сарияниди). Цель исследований – выяснение характера связей между экологическими событиями и развитием си-

⁴³ Абхазское долгожительство / В.И. Козлов (Отв. ред.). М., 1987; Долгожительство в Азербайджане / В.И. Козлов (Отв. ред.). М., 1989; Феномен долгожительства: Антрополого-этнографический аспект исследования / С.И. Брук (Отв. ред.). М., 1982; Proceedings of the First Joint US-USSR Symposium on Aging and Longevity. Vol. 1,2. NY., 1982 и др.

⁴⁴ См., например: Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 81. М., 1995; Дубова Н.А. Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 87. М., 1995; Этнические проблемы регионов России. Пермская область / Ред. Н.А. Дубова, Н.А. Лопуленко. М., Старый сад, 1999.

⁴⁵ Духоборцы и молокане в Закавказье / Козлов В.И., Павленко А.П. (Ред.). М., 1992; Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии / Козлов В.И., Дубова Н.А. (Ред.). М., 1989. Ч. 1, 2; Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы / В.И. Козлов (Ред.). М., 1995; и др.).

⁴⁶ См., например: Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования / Ред.: Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. М., 2006; Этноэкологические аспекты духовной культуры / В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич (Ред.). М., 2005; Этническая экология: народы и их культура / Ред. Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева. М., 2008; Этнос и среда обитания. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова / Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков (Ред.). Т. 1, 2. М., 2009; и др.)

⁴⁷ См.: Комарова Г.А. Предтеча Чернобыля. М. 2002; Она же. Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы. М., 2002 и др.

стемы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса⁴⁸. С использованием методов разных наук (географии, геологии, зоологии, ботаники, одонтологии, кефалометрии, кефалоскопия, палеоантропологии, палеопатологии, остеологии и др.) проводятся исследования в направлении реконструкции динамики палеоэкологических условий Гонурского оазиса; реконструкция динамики структуры жизнеобеспечения населения; оценка благоприятности экологической обстановки для жителей населения; описания процесса сложения антропологического облика населения региона с эпохи бронзы до современности с учетом демографических процессов и экологической ситуации; изучение мировоззрения населения эпохи бронзы⁴⁹.

Я перечислила, с моей точки зрения, наиболее крупные проекты, но список, конечно же, может быть расширен⁵⁰. В ИЭА РАН выполнялись и более частные проекты. Так, тема

⁴⁸ См., например: У истоков цивилизации / Ред. М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова. М., 2004; Труды Маргианской археологической экспедиции / Отв. ред. В.И. Сарияниди. М., 2008; На пути открытия цивилизации / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб., 2010 и др. исследования.

⁴⁹ Здесь также следует оговориться, что исследования на стыке археологии с естественными науками пользуются все большей популярностью. Правда, анализируются, в отличие от вышеперечисленных проектов, только древние периоды. Достаточно упомянуть хотя бы такие: работу, получившую высокую оценку как на государственном уровне (Государственная премия России), так и научном (премия РАН им. акад. В.П. Алексеева), посвященную подробнейшему изучению алтайских мумий (см., например, Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др.; Отв.ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск, 2000 и др. работы); Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара, 2010, а также и другие издания.

⁵⁰ Было бы несправедливо считать, что комплексному изучению проблемы взаимодействия человеческих коллективов между собой, с окружающей природной и социальной средой не уделяется внимание в других учреждениях. Так, например, на кафедре этнографии и музееведения Омского государственного университета (зав. каф. Н.А. Томилов) с 1993 г. действует ежегодный Международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований». Цель работы семинара состоит в выработке новых методологических и методических подходов к проблеме реконструкции и исследования ранних этапов человеческой истории, культуры и социума через развитие комплексных, взаимодополняющих и согласованных методов и методик археологии и этнографии, а также смежных с ними научных дисциплин. См., например, одно из последних изданий: Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. трудов / Гл. ред. Н.А.Томилов; отв. ред.: К.Н.Тихомиров, М.Н.Тихомирова, С.С.Тихонов. Омск, 2010.

Близкая задача является основной для тюменского Института проблем освоения Севера (г. Тюмень). В нем, наряду с уже упоминавшейся группой антропологии и этнографии, работают лаборатории археологии, палеоэкологии человека, социально-исторических исследований, устойчивости биоценозов, а также ландшафтных и фитоценологических исследований. В г. Горно-Алтайске в 2008 г. была, например, проведена международная конференция «Биоразнообразие, проблемы экологии Горного Алтая и сопредельных регионов: настоящее, прошлое, будущее» (см: Биоразнообразие, проблемы экологии Горного Алтая и сопредельных регионов: настоящее, прошлое, будущее. Материалы Международной конференции [22-26 сентября 2008 г.]. Горно-Алтайск, 2008). В ее рамках работала секция IV. «Интегративная антропология (Integrative anthropology)», на которой были представлены такие, например, доклады как «Специфика среды существования и развития человека»; «Концептуальный комплекс "человек - природа - культура" в контексте культурно-экологического дискурса»; «Эколого-виктимологические аспекты поведения преступника и агрессии»; «Влияние факторов окружающей среды на организм подростков Республики Алтай» и многие другие.

«Взаимодействие этносов на Южном Урале в X-XX вв. Комплексное этнолого-антропологическое исследование», получившая поддержку РГНФ (№ 01-01-00375а, руководитель Р.И. Якупов), предполагала изучение истории формирования населения Южного Урала (прежде всего северной части Республики Башкортостан и прилегающих областей), исторических контактов народов, живших на данной территории и современных этнических процессов по антропологическим и этнокультурным характеристикам. Особый аспект проблемы – изучение древнейшей истории взаимодействия финно-угорских и тюркских народов⁵¹. Было проведено и небольшое комплексное исследование (результаты которого, к сожалению, пока не увидели публикации) по проекту «Историческая антропология Молдавии», которое также получило поддержку РГНФ (№ 02-01-00297а). Главная цель проекта состояла в комплексном антрополого-генетическом, этнодемографическом и социологическом исследовании населения Молдавии⁵².

Можно упомянуть и еще один проект, попадающий в рамки такого рода исследований. Это обобщение имеющегося материала по антропологии ногайцев⁵⁴. В подготовленной книге нашли место и палеоантропологические данные, и результаты изучения современных жителей, одонтология древнего и современного населения, демографические, остеометрические и генетические сведения.

Бесспорно, можно такое перечисление продолжать, но важно подчеркнуть: с одной стороны, речь идет о понимании необходимости интеграции разных знаний о человеке, а с другой – что в большинстве случаев собственно синтеза данных даже внутри самой антропологии, увы, не происходит – специалисты разных специальностей работают самостоятельно, не координируя свои исследования с «соседями».

Изучение разнообразия живущего человечества методами антропологии

Крайне удручает и то обстоятельство, что исследования по этнической антропологии, особенно касающиеся изучения современного населения, практически прекращены. Более того, они по каким-то, явно не научным обстоятельствам, получают в последнее время разную

На этой же базе регулярно проводятся экологические конференции. Нельзя не напомнить и про те усилия, которые предпринимались членом-корреспондентом РАН Б.А. Никитюком в направлении интеграции медицинского, анатомического и антропологического знаний (См., например: Кузин В.В., Никитюк Б.А. Интегративная биосоциальная антропология. М., 1996; Материалы IV Международного Конгресса по интегративной антропологии. СПб., 2002; и др.).

⁵¹ Взаимодействие этносов на Южном Урале. Комплексные этнолого-антропологические исследования / Отв. ред. Якупов Р.И. Уфа, 2006; Дубова Н.А., Нечвалода А.И., Рожанская Е.А., Суворова Н.А., Якупов Р.И. Комплексные этнолого-антропологические исследования в Башкортостане // ПИИЭ 2002. М., 2004.

⁵² Дубова Н.А., Варзарь А.М., Суворова Н.А., Рожанская Е.А. Антропологические исследования на юге Молдавии // ПИИЭ. 2002. М., 2004; Varsahr A.M., Dubova N.A., Kutuyev I.A. Serological researches in the south of Moldavia in connection with the problem of the ethnogeny of the Gagauzes, the Moldavians and the Bulgarians // Anthropologische Anzeiger. 2003. Dec; 61(4). S. 395-411; Varzari A., Kharkov V., Stephan W., Dergachev V., Puzyrev V., Weiss E.H., Stepanov V. Searching for the origin of Gagauzes: Inferences from Y-chromosome analysis // Am. Journal of Human Biology. Vol. 21. N 3. May/June 2009.

⁵⁴ Антропология ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия северного Кавказа. Вып. IV / М.М. Герасимова (Отв. ред. выпуска). М., 2003.

оценку не только специалистов смежных специальностей, но и самих антропологов. Причин этому, конечно, много. И среди них главная – именно то, о чем уже говорилось: сужение границ научных направлений, узкая углубленная специализация, непонимание языков даже близких смежников⁵⁵.

Тем не менее, исследователи, накопившие к настоящему времени большой объем специализированных знаний, чтобы в полной мере их оценить и осмыслить, обращаются к достижениям пограничных дисциплин. Очень показательна в этом отношении, например, генетика человека, которая в начале бурного своего развития пыталась отрицать многие концепции морфологии, антропологии, физиологии, но сейчас поворачивается именно к этим направлениям, чтобы от атомизированного гена, кодирующего синтез того или иного белка, подойти к представлениям о передаче по наследству системных особенностей.

Представляется весьма печальным тот факт, что направления комплексных исследований, основой которых являются антропологические, развиваются крайне слабо. Так, например, перспективы развития отдела физической антропологии в Институте этнологии и антропологии видятся его руководителями ныне лишь «в развитии традиционных исследований антропологии народов России и в изучении проблем эволюции человека, а также в развитии новых перспективных направлений физической антропологии: палеоэкологии человека, палеопатологии человека, палеодемографии и гендерных исследований»⁵⁶. Именно поэтому хотелось бы хотя бы в форме пожелания наметить несколько более широкие возможности данного направления в том числе и в ИЭА РАН.

Перспективы

Исходя из вышесказанного, первое, что важно подчеркнуть – это сохранение именно комплексности и антропогенетических, и этногенетических исследований. Безусловно, целесообразно сохранить все многообразие подходов к изучению человеческой изменчивости – дерматоглифики, одонтологии, остеологии, соматологии, кефалометрии, краниометрии и проч., пытаясь дополнять их современными методами – молекулярно-генетическими, физиологическими, биохимическими, микроморфологическими... Уже сейчас антропологи ИЭА обладают уникальными материалами, собранными с применением многих из перечисленных методик в одной и той же популяции, на одних и тех же индивидуумах: это результаты только что упоминавшихся многоплановых Чукотской, Камчатской, Тувинской и др. экспедиций, проекта по изучению обособленных популяций Крайнего Севера и по исследованию популяций с повышенным процентом долгожителей в Абхазии и Азербайджане. Еще раз хочу обратить внимание на то, что в каждой из перечисленных экспедиций были собраны, а ныне в значительной степени и обобщены, данные, позволяющие уже сейчас попытаться от изучения наследования атомизированного гена, кодирующего синтез того или иного белка, подойти к представлениям о передаче по наследству системных особенностей, причем не у весьма «поднадоевшей» генетикам мушки-дрозофилы, а у человека. Мне представляется, что в настоящее время это – одно из передовых направлений науки, в которое именно антропологи, в

⁵⁵ Немаловажную роль играет здесь и политика. Подробнее см., например: Дубова Н.А. Биологическая и социально-культурная дифференциация человечества. (История, экология и политика) // Расы и народы. Вып. 34. М., 2009.

⁵⁶http://www.iea.ras.ru/cntnt/levoe_meny/struktura/struktura_1/otdel_antr/otdel_antr1.html

том числе и нашего института, сотрудничая с генетиками, могли бы внести весьма весомый вклад.

Не менее важно и более узкое, глядя с какой-то стороны, направление исследований, нередко считающееся единственной задачей этнической антропологии, – изучение антропологического состава населения земного шара. Широко распространено представление, что все главные проблемы в этой сфере знаний решены, основные группы народов на всех континентах изучены, и, в общем-то оригинального предмета у этнической антропологии, да и у расоведения в целом, как бы и нет. Думается, что на таком же основании вполне могут быть «закрыты» и география, и геология, ряд фундаментальных биологических дисциплин (например, ботаника, зоология) и т.д., в которых тоже уже давным-давно так называемые основные проблемы решены...

Одним из оснований для создания подобного рода иллюзий в области изучения антропологического состава народов мира был широкий размах исследований в нашей стране в 1950-1970-х годах, осуществленный в значительной мере усилиями сотрудников именно Института этнографии АН СССР. Простое перечисление только монографических публикаций на эти темы заняло бы не одну страницу. И, тем не менее, кефалометрия, кефалоскопия, одонтология и др. системы даже аборигенного населения большинства стран мира, в том числе Европы, не говоря уж о современных городских жителях или, например, мигрантах, не могут считаться изученными даже в первом приближении. Все имеющиеся зачерпывания или безнадежно устарели (относятся, например, к 1920 – 1930 гг. – это не менее 3-х поколений до современности, Вторая мировая война, развал СССР, политические изменения на Африканском, Европейском, Южноамериканском, Азиатском континентах...), или подробно характеризуют лишь популяции отдельных государств или их регионов (например, Болгарии, Польши, Японии, Китая и др.). Каковы антропологические особенности, например, современных французов или итальянцев разных областей, чем отличаются французы-парижане от французов-жителей Алжира или Корсики, чем современное население Осло отличается от такового в начале века и проч. не знает в настоящее время никто. Путем логических заключений, вероятно, можно предположить возможные направления различий, но реальные показатели (по большинству антропологических систем) в публикациях отсутствуют. А ведь в архиве ИЭА РАН уже более 60 лет хранятся результаты обследования представителей почти всех народов Европы, проведенные крупнейшими антропологами нашей страны – В.В. Бунаком, Г.Ф. Дебецем, М.Г. Левиным, Н.Н. Чебоксаровым и др. Данные по населению Японии были проанализированы М.Г. Левиным⁵⁷, а вот европейские материалы, будучи даже в значительной степени статистически обработанными, до сих пор ждут своей очереди.

Можно привести и более частные примеры. Антропологический состав коми описан Н.Н. Чебоксаровым в 1946 г. на основании изучения студентов сельскохозяйственного института г. Сыктывкара(!)⁵⁸. К специальному изучению этого народа обратилась лишь Советско-финляндская комплексная экспедиция 1976 г.⁵⁹, и ряд локальных их групп были исследованы в качестве сравнительных. Изданная не так давно книга «Антропология коми» (2005)⁶⁰ обобщила все данные, которые имеются в настоящее время. Ответственный редактор тома Г.А. Аксянова сама отмечает, что локальные группы этого народа неравномерно изучены по разным системам

⁵⁷ Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М., 1975.

⁵⁸ Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2.

⁵⁹ Somatology and Population Genetics of the Bashkirs / Kajanoja P., Zoubov A.A. (Eds.). Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Series A. V. Medica. 175. Helsinki, 1986.

⁶⁰ Антропология коми / Отв. ред. Г.А. Аксянова. М., 2005.

признаков. Тем не менее, эта публикация обобщила материалы, собранные в разное время, не всегда, увы, представляющие одни и те же популяции по разным системам признаков, и ввела в оборот данные по антропозстетике, новые палеоантропологические и генетико-демографические сведения.

То же можно сказать о многих народах Поволжья и Приуралья, включая даже такие крупные как татары и башкиры. Заканчивая описание антропологии современного населения Башкортостана, М.С. Акимова в своих последних работах конца 1960-х гг. писала, что для окончательного решения очень сложной проблемы этногенеза народов этой территории необходимо иметь значительно большие антропологические материалы⁶¹. Некоторое движение в этом направлении, конечно, имеются⁶², но с сожалением приходится говорить о том, что новые полевые исследования крайне скудны.

Работа Т.А. Трофимовой 1949 г., являвшаяся ее кандидатской диссертацией⁶³, до сих пор остается основной по этнической антропологии татар Поволжья. В научной литературе практически нет сведений о женщинах и детях Африки. Да и по отношению к мужчинам данные уже устарели. Пока сводка Ж. Ерно 1968 г., охватывающая лишь часть мужского населения континента⁶⁴, остается практически исчерпывающей характеристикой степени изученности антропологии всего этого региона. Думаю, что исследователь любого уголка мира может продолжить этот список.

Классические антропологические исследования – гордость отечественной науки. Сравнимыми с ними объемами материалов не может похвастаться практически ни одна другая страна мира. Но сейчас такого рода работы практически приостановлены в силу иных, прежде чем существовали ранее, принципиальных подходов.

Увы, но проведению таких расоведческих работ и опубликованию ранее собранных уникальных материалов мешает, скорее всего, ложное представление о том, что измерения головы и лица людей, даже с их согласия, является посягательством на «права личности». Поэтому «публичное признание» в виде публикации, что такие измерения проводились и изредка (увы!) проводятся в нашей стране до сих пор, может, дескать, повредить международному имиджу страны. По собственному, достаточно богатому опыту подобного рода исследований⁶⁵, последние из которых проводились зимой 2009 г., могу сказать, что при разумно организованной информации об исследованиях, разъяснении в каждом конкретном случае их целей и задач, полной добровольности обследования представители самых разных народов не просто «разрешали» себя измерять, но нередко в прямом смысле слова требовали, чтобы измерили именно их, даже тогда, когда сам измеритель от значительной нагрузки в течение дня почти «валился с ног». Представляется, что такая показная «забота о правах личности» в научной среде, которая приводит к закрытию целых научных направлений, потере уникальных, разрабатывавшихся и

⁶¹ Акимова М.С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геногеография. М., 1974.

⁶² Башкиры-гайнинцы Пермского края / Под общ. ред. Р.М. Юсупова. Уфа, 2008; Антропология башкир / Н.Х. Спицына, Н.А. Лейбова (Суворова) (Ред.). СПб., 2010.

⁶³ Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // ТИЭ. Т. VII. М., 1949.

⁶⁴ Hiernaux I. La diversité humaine en Afrique subsaharienne. Bruxelles, 1968.

⁶⁵ Начиная с 1970 г. автором в разных районах СССР и в других странах мира по кефалометрической и кефалоскопической программам измерено более 30 тыс. человек.

уточнявшихся десятилетиями методик измерения и описания биологического разнообразия человечества,

Не в такой ли «полной изученности» коренится нерешенность многих основных проблем антропологии: например, полового диморфизма, закономерности возрастной динамики кефалометрических признаков, наличия или отсутствия иерархии человеческих популяций, расового разнообразия современного и древнего человечества и многие другие!? Поэтому, как мне представляется, важнейшая задача – изучение антропологического состава народов мира, заполнение белых пятен на антропологической карте – остается приоритетной среди прочих, стоящей ныне перед антропологией.

Представляется также, что для выделения в этой большой задаче «генеральных направлений» необходимо продолжить и завершить начинание В.П. Алексеева по подготовке многотомной, справочной, богато иллюстрированной и написанной доступным для специалистов разных дисциплин языком, сводки «Антропология народов России и сопредельных стран», начало которой, благодаря усилиям Т.И. Алексеевой, положено выходом в свет книги «Восточные славяне: антропология и этническая история» (1999). По степени изученности и готовности данных в ближайшее время могли бы быть, наверное, доведены до публикации аналогичные сводки как раз по Приуральско-Поволжскому региону, по Сибири.

Следует обратить внимание и на то, что «полностью и окончательно» изучить антропологический состав народов земного шара вообще невозможно. Через любой, даже очень незначительный, промежуток времени внешний облик земных жителей изменяется – в этом и заключается историчность многих антропологических категорий, тем более так или иначе увязанных с социально-культурными, культурно-языковыми и другими общностями, которые сами не менее изменчивы. И в этом «всеобщем движении и изменении» антропология может сказать свое слово. Так, в разделе «Общий обзор расообразовательного процесса» одной из своих работ В.П. Алексеев выделил четыре этапа расообразования или, как можно было бы сказать шире – формирования внутривидовой изменчивости⁶⁶. Первый отнесен им к эпохе нижнего или среднего палеолита и связан с выделением первичных очагов расообразования, сложением основных расовых стволов – западного (объединяет европеоидов, негроидов и австралоидов) и восточного (азиатские монголоиды и американоиды); второй – к эпохе верхнего палеолита и частично мезолита и связан с выделением вторичных очагов и расширением ойкумены; третий – к концу мезолита и неолиту, связан с увеличением численности человечества, более интенсивной хозяйственной эксплуатацией уже освоенных районов, с освоением новых экологических ниш в пределах ранее заселенных территорий, с формированием третичных очагов расообразования и в их пределах – локальных рас и, наконец, четвертый – к эпохе бронзы и частично раннего железа, связан с оформлением той картины расового состава человечества, которую мы застаем в настоящее время. Важными характеристиками всех этих этапов В.П. Алексеев считает демографическую ситуацию (в том числе плотность населения и миграции), давление факторов среды и смешение. Но эти факторы существенно изменяют свое влияние и на формирование историко-культурных общностей, и на популяционную структуру человечества, начиная уже с IV тыс. до н.э. (а может быть и ранее), когда важнейшую роль начинают играть населенные пункты с особой структурой населения – города. Мне приходилось специально останавливаться на антропологических аспектах процесса урбанизации. Эта тема и направление исследования были подсказаны автору А.А. Зубовым. Автором была высказана мысль, что города, которые являют-

⁶⁶ Алексеев В.П. Человек. Эволюция и таксономия. Некоторые теоретические вопросы. М., 1985. С. 281-284.

ся очагами нового типа формообразования внутри вида *Homo sapiens*, где происходит интеграция генетической информации с определенной территорией⁶⁷, можно считать новым, в рамках концепции, предложенной В.П. Алексеевым, этапом формообразования внутри вида *Homo sapiens*. Ведущими факторами этого этапа следует считать: а) процесс метисации различных генофондов, особенностью которого по сравнению с предыдущими эпохами является смешение между собой не различных целых (или крупных частей) популяций, а только отдельных представителей таковых, и б) формирование нового морфо-функционального комплекса особенностей (по-видимому, сопряженного и с своеобразными психо-соматическими и психологическими характеристиками), наиболее приспособленного к городской среде обитания, в значительной степени созданной самим человеком.

Население города на современном этапе представляет собой сложную систему популяций, находящихся между собой в тесном взаимодействии. Результатом этого взаимодействия являются появление и закрепление новых своеобразных, свойственных только городскому населению, особенностей физического типа. Поэтому, с другой стороны, вполне возможно говорить о выделении, наравне с тропическим, арктическим, аридным и другими адаптивными типами в рамках концепции, предложенной Т.И. Алексеевой, и особого – городского адаптивного типа. Но, как справедливо отмечено Т.И. Алексеевой, «антропология городских популяций, как проблема современной науки, пока еще находится в стадии становления»⁶⁸. Здесь не место подробно останавливаться именно на этом аспекте антропологических исследований, но важно подчеркнуть, что как экологические сюжеты в целом, так и урбанистические, в частности, могли бы занять достойное место в тематике специалистов этой отрасли знания, в том числе и в ИЭА РАН. Кроме всего прочего, именно экологическая тематика могла бы быть серьезным продолжением и развитием идей академика В.П. Алексеева, имя которого носит кабинет-музей института.

Развивая эту же идею, в более общем плане можно было бы остановиться также на возможности кооперации и проведения коллективных прикладных исследований с физиологами, психологами, медиками разных специальностей, т.к. именно в этих областях, как показывает участие в совместных научных мероприятиях, специалисты уже вплотную подошли к осознанию варибельности нормы, т.е. фактически к необходимости применения антропологических наработок в своих отраслях. Другими словами повторяю то, что уже было сказано – перспективы развития антропологии вообще и в ИЭА РАН в частности, мне видятся не просто в сохранении комплексных пограничных исследований на стыке разных разделов знания, а в расширении объема работ именно такого рода. Можно по-разному организационно решать эти проблемы. Хотелось бы подчеркнуть, что мало у кого, кроме уважаемого юбиляра, имеются возможности дать ускорение подобным направлениям. Не исключено, что «двинуть дело вперед», возможно будет только при поддержке Валерия Александровича.

Увы, коммерциализация всего и вся в стране, отсутствие реального финансирования фундаментальных исследований, изменение приоритетов приводят к невозможности расширения или хотя бы продолжения в том же масштабе работ, как это было, например, в 1950-е или 1970-е годы. Соответственно происходит и снижение реальной ценности фундаментальных научных изысканий в целом. Можно, конечно, говоря о перспективах развития антропологии, исходить только из весьма ограниченных кадровых возможностей,

⁶⁷ Дубова Н.А. Антропологические аспекты урбанизации // СЭ. 1989. № 6. С. 76-89.

⁶⁸ Урбозэкология. М., 1990.

которые ныне имеют многие научные коллективы. Будут ли это собственно перспективы – большой вопрос. Не формулируя для себя актуальных проблем науки, не обрисовывая каких-либо ориентиров, к которым можно было бы стремиться, не предпринимая усилий для улучшения ситуации (в том числе кадрово-возрастной), вряд ли можно успешно преодолеть явно имеющие место кризисные явления.

Однажды в обычной беседе один из ведущих антропологов России д.б.н. Илья Васильевич Перевозчиков сказал очень важные слова: «Мы – антропологи – владельцы уникального знания. Нас очень мало и мы должны сделать все, чтобы сохранить это знание и передать следующим поколениям». Я целиком согласна с тем, что нельзя терять достижения предыдущих поколений, нельзя забывать классики. Но сохранить знания путем их «консервации» можно, но со временем они могут потерять свою «всхожесть». Мне кажется, мы должны не только сохранять достигнутое основателями, но и преумножать, развивать это, переходя на новые иерархические уровни, применяя современные знания, используя вновь открываемые, в том числе и в пограничных биологических и гуманитарных дисциплинах, закономерности.